

ВИТА МАРЛИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПОДВОДНАЯ
КОНКИСТА

Вита Марли

Подводная конкиста

«Автор»

2026

Марли В.

Подводная конкиста / В. Марли — «Автор», 2026

Мог ли подумать Эстебан, капер Новой Испании, что однажды попадёт в неизведанное подводное царство, увидит русалок и даже разгадает тайну потерянных сокровищ ацтеков? А ещё пожелает во что бы то ни стало снять древнее проклятье, чтобы быть рядом с необычной возлюбленной.

© Марли В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вита Марли

Подводная конкиста

Глава 1

Попутный ветер.

Позади Юкатанский пролив, синева Карибского моря сменилась лазурью нефритовых вод и путь до портового Веракруса проходил в относительном спокойствии.

– Сокровища Монтекумы – не более, чем миф, – пуская кольца табачного дыма, капитан «Санта Люсии» смотрел на линию горизонта, – Несметные богатства, о которых двести лет назад писал Кортес в своих отчётах – выдумка. Враньё. Пыль в глаза. Неужели ты веришь в эти сказки, Этьен?

Квартирмейстер Эстебан Хулио Гарсия Альтамирано дважды постучал по деревянным перилам фордека, вытряхнул из трубки остатки пепла да старого табака, а затем нарочито громко цокнул языком.

– В удачу верю. Фортуну. Судьбу, если хочешь. И в то, что вижу собственными глазами, – квартирмейстер притоптал щепотку свежего мапачо указательным пальцем, но прежде чем закурить, грозно добавил, – И не зови меня Этьеном. Терпеть не могу этот твой слащавый прононс.

Капитан Луи Дюран, уроженец французской Эспаньолы, на это лишь простодушно рассмеялся. Он обладал редким обаянием, был душой любого общества, умел легко и быстро расположить к себе людей. Болтливый. Не в пример молчаливому Эстебану.

– То, что ты видел золотую монету с изображением ацтекского бога, ещё ни о чём не говорит, Этьен, – на этот раз капитан нарочно искажил имя товарища, – Мой тебе совет: не мечтай, дружище, о несбыточном.

С тех пор как один портовый прохиндей рассказал Эстебану небылицу и показал тонкую чеканку с фигурой Тлалока, индейского бога дождя, мысль о древнем тайнике ацтеков невольно завладела умом квартирмейстера. Не то, чтобы Эстебан относился к числу охотников за сокровищами, скорее наоборот. Однако пытливый ум и вероломство далёких предков не позволили просто отмахнуться от сказочной легенды, как от жирного кубинского москита.

– К тому же, мон ами, мало ли ещё осталось местных да метисо? – с академическим видом философствовал Дюран, – На Эспаньоле, говорят, всех истребили, а Юкатан он во-о-он какой огромный, – капитан описал рукой круг, – Кто знает, что обитает среди непролазной зелени? Нет, пожалуй, я этого знать не хочу. Для меня нет ничего надёжнее верной старушки «Люсии», а? Что скажешь?

Ну, а что тут ещё сказать? Этот жеманный лягушатник прав, будь он неладен! Даром, что-ли, капитан?

Ещё раз хорошенько затянувшись, товарищ панибратски похлопал Эстебана по плечу, на что квартирмейстер рассеянно поддакнул.

– Капитан! – один из матросов вырвал собеседников из лап праздной болтовни, – Крупная рыбёшка зацепилась за трос. Бьётся. Сопротивляется. Канат пилить жалко. Пущай подышает?

– Поднимай, – повелительно махнул Луи Дюран, – Месье Господь решил разнообразить меню нашего достопочтенного кока. Зачем идти наперекор судьбе?

Матросы оживились, подобрались, закопошились, как муравьи, забегали по палубе в поисках подспудного инструмента. Эстебан, снедаемый любопытством, перегнулся через перила и засвидетельствовал, как тварь божья билась о борт, мелькая ультрамариновыми чешуйками.

– Тащим сеть, парни! – десяток грубых моряцких рук вцепились в рыболовные снасти.

Улов брыкался.

Вырывался.

Шипел и извивался.

Крупная рыбёшка металась и отчаянно била хвостом.

– Матре де Диос! – воскликнул матрос, когда вылов глухо шмякнулся о доски палубы, – Русалка! Пресвятая Дева Мария, это, не иначе, происки морского дьявола!

Неожиданно для самого себя квартирмейстер застыл в нелепом желании перекреститься. Только что выслушивал нравоучения о сказках и небылицах, а тут раз – и вот это.

Русалка.

Девка, – красивая, надо сказать, – с ребристым хвостом и сверкающей чешуёй. Как тут разом не уверовать в дьявола морского, Левиафана, Сциллу и Харибду? Да хоть в лох-несское чудовище с шотландских берегов.

Эстебан уже давным-давно не рассчитывал на милость Божию. С тех самых пор, как борода с колючими усами украсили его физиономию, а солнце опалило кожу до стойкого бронзового окраса. Но тут перст сам собой потянулся, дабы осенить себя крестным знаменем.

Смилуйся, сеньор Господь, да убереги от зла, достопочтенная сеньора наша Дева Мария!

Русалка, кажется, смекнула, какой невероятный фурор произвела на весь экипаж «Санта Люсии» и, пользуясь заминкой, попыталась выскользнуть из силка.

– Этьен! – француз гаркнул на оцепеневшего товарища, – Вяжем, хвостатую гарпию.

Один матрос резво навалился на ундину всей своей жилистой тушей и прижал к полу. Эстебан, повинувшись команде, завёл девице руки за спину и накрепко связал джутовой верёвкой.

Ручки у русалки тоненькие, лопатки острые. Поди, молоденькая совсем, если понятие возраста есть у тварей морских.

– Помнится в трюме видал большую бочку, – потирая подбородок, рассуждал Дюран, – Аккурат для такого случая.

– Бочку тащите, – скомандовал квартирмейстер, – Быстро!

В одночасье на палубе собрался весь флибустьерский цвет «Санта Люсии». Даже кок, которому недалече капитан прочил новое меню, вылез из своей конуры.

– Прошу простить, капитан, – переминаясь с ноги на ногу, спросил ошарашенный матрос, – А что мы, собственно, будем с ней делать?

– Девка на корабле это, конечно, хорошо, – подхватил второй, более сметливый, – Только у этой, кхм, хвост. Такая вряд ли будет услаждать оголодавших тружеников такелажа.

– А если приготовить, то это будет уха или мясная похлёбка? – балагурил третий.

Из любопытства, а может ввиду какого-то неизведанного порыва, квартирмейстер убрал с лица русалки мокрые от воды смоляные волосы, открыл девичье личико и посмотрел на диковинную незнакомку.

Смуглая, черноволосая с глазами-миндалинами цвета тёмного шоколада. Хорошенькая до жути. Метисо, наверно. Или кастисо, а, может, индианка. Кто ж их разберёт?

Сама незваная гостья смотрела на Эстебана со смесью ужаса и отчаяния. Бросила взгляд на палубу, оценив масштаб бедствия, дёрнулась в нелепой попытке вырваться на свободу, раздула гневно жаберные щели.

– Тихо, не рыпайся, – сказал квартирмейстер угрожающе, – Поранишься.

Поняла его русалка или нет, – говорит ли она по-испански и говорит ли вообще? – но головой мотнула горделиво и волосы снова облепили половину её лица.

– В конце концов, рот то у неё есть! – моряки продолжали куражиться, – Значит всё таки не бесполезная находка, а?

– А ну, ша! – рывкнул Эстебан раздражённо, – Тебе, Аркадио, недоумок ты палубный, лишь бы хрен свой пристроить. Откусит к чёртовой матери и поделом! И я не понял, на корабле больше дел никаких нет? Со всем управились, бездельники?

Пристыженные и припугнутые моряки, кои не имели удовольствия ввязаться в историю с подводной тварью, мелко замотали головами и тут же быстро разбежались по делам корабельным.

– Бочку в мою каюту, – напомнил о себе Луи Дюран, – Раз уж мадмуазель-русалка почтила нашу скромную старушку «Люсию» своим присутствием, стало быть мне, как капитану, надлежит её разместить.

Квартирмейстер кое-как подхватил подмышки сопротивляющийся улов, запихнул в огромную бадью с морской водой и лишь тогда заприметил: на шее у этой диковинной женщины под смолью чёрных волос красовалась татуировка с изображением Тлалока.

Символ, что видел Эстебан однажды на древней ацтекской монете.

Глава 2

Жизнь на корабле отнюдь не так идиллична, как описывают в дамских романах. И не так поэтична, как болтают в героических эпосах. Моряцкий труд – тяжёлая работа. В любой момент стихия может превратиться в разъярённую фурию и незаменимой окажется каждая пара рук.

«Санта Люсия» – каперское судно. Не прогулочная шхуна. Пусть она имела лёгкое вооружение, однако с позволения Испанской Короны добротнo кошмарила торговые британские суда.

– Команда собралась на камбузе, – едва Дюран приоткрыл дверь, Эстебан шустро просунул ногу в зазор и нагло протиснулся в капитанскую каюту, – По крайней мере самые набожные. Желают знать, какую судьбу ты, наш достопочтенный капитан, уготовил «пособнице Дьявола».

– Вы, испанцы, слишком суеверны, – француз отошёл обратно к письменному столу с навигационными картами, – Но, раз ждут, стало быть пора озвучить наши планы, мон ами.

Квартирмейстер стрельнул глазами в угол каюты: новое вместилище русалки оттяпало половину пространства. Каюта не располагала излишними удобствами, но теперь Дюран был вынужден в значительной мере потесниться. Самой девицы было не видать – спряталась. Свернулась клубочком, как угорь, и носа не показывала.

А жаль.

Эстебан надеялся понаблюдать. Увидеть реакцию на громкие заявления относительно её персоны. Дрогнет ли мускул на смуглом девичьем лице, отразится ли испуг, забегают ли глаза? Действительно ли она нема как рыба или всё же прикидывается таковой.

– А, кстати, какие они? – придав голосу безразличия, спросил квартирмейстер товарища, – Наши планы.

– Сбыть, – беспечно пожал плечами Дюран, – В порту Веракруса, как и весь товар. Только налог за чудную девицу столице мы не должны, значит попытаемся продать на аукционе. А какие версии предлагает моя замечательная команда?

– Скинуть за борт, – озвучил квартирмейстер предложение товарищей по кораблю, – Или зарезать, а потом за борт. Подальше от греха.

Истязать бедняжку Эстебан намерения не имел, но и продавать ключ к разгадке великой тайны не желал категорически.

– Псы трусливые, – рассмеялся французский балагур, – Тогда мы точно снищем дурную славу у хозяина этих морей, кем бы он там ни был.

Дюран оглядел бумаги, постучал пальцем по точке на карте с отметкой ближайшего порта и одобительно покивал собственным мыслям.

– Пойдём, дружище. – свернув карту, капитан вышел из-за стола, – Успокоим наших пугливых камрад.

Эстебан нерешительно помялся.

Будучи квартирмейстером, вторым после капитана, он не мог проигнорировать командные сборы и в спорных случаях накладывал вето на решения командира корабля. Главный помощник, права рука, друг и единомышленник самого Луи Дюрана отвечал за дисциплину и в случае неповиновения назначал матросам наказание. Пропустить такое важное собрание квартирмейстер не имел права.

Однако сейчас его интересовала именно она – русалка. Посмотреть бы на неё внимательнее, попытаться разговорить.

Пообещать свободу за... А за что, кстати? За знания о сокровищах? За ответ на вопрос о таинственной татуировке?

За любую зацепку. И очень желательно поговорить с этой рыбёшкой с глазу на глаз. Дюран, манерный богохульник, велел в ацтекские сказки не верить, значит пусть лягушатник и дальше остаётся в неведениши. А у матросов умишки недалёкие. Им лишние тревоги ни к чему.

– Нашу гостью, – задумчиво поинтересовался Эстебан, – Оставим одну?

– А думаешь, сбежит? – капитан насмешливо изогнул бровь.

– Да кто ж её знает, ведьму морскую? – квартирмейстер снова покосился на бочку, – Её приёмов мы не видели. Какие фортели она может выкинуть, остаётся только гадать. Кроме того, дорогой друг, ещё вчера мы оба не верили в русалок.

Оставь-ка ты меня, достопочтенный командир, в своей каюте, а сам иди разбирайся с суеверными матросами.

Француз задумался, поколебался. Резко умолк так, что лишь шум моря и скрип корабельных досок наполнили каюту пустым гулом.

Сверху на тросе покачивался масляный фонарь. Плясали тени на стенах, бликовали на окнах огни. На долю секунды Эстебан различил силуэт русалки и вздрогнул, но то было лишь игрой света и тени. А ещё его, квартирмейстера, воображения.

– Пойдём, Этьен, – капитан решительно направился к выходу, звеня увесистой связкой ключей, – Моя каюта всегда заперта. Если мадмуазель проходит сквозь стены, никакой часовой нам не поможет, мон ами.

Раздосадованный испанец послушно потащился в след за товарищем на квартал-дек. Обернулся ещё раз, взглянул на лохань и через мгновение был отрезан тяжёлой дверью от вожденной до противного зуда тайны.

А что ещё поделать? Придётся ловить удачу снова. Когда-нибудь...

Закат над Гольфо де Мехико сегодня был особенно ярким, ослепительным. Необузданным. Как будто гигантский древний бог глядел зорко и пронзительно. Ещё немного и наступит ночь.

По палубе сновали лишь вахтенные и малыш Бобби дежурил на часах. Основная часть матросов собралась на камбузе для обсуждения животрепещущих вопросов. Внештатная ситуация, как никак.

– Капитан! – крикнул с фок-мачты наблюдатель, – Испанские паруса. Велят поравняться.

– А ну-ка, – командир нетерпеливо выхватил из-за пазухи оптический прибор, – Темнеет! Не видать же ни зги, что ты там разглядел?!

Вдали действительно мелькали световые сигналы и огромный военный галеон о белых парусах давал «Люсии» предупреждения.

– Дьявол! – выругался Эстебан, – Как не вовремя.

Вооружённый с носа до кормы военный корабль обязательно их проверит. Бумаги, товар, команду – всё до чего дотянется. С документами у хитрого француза было всё в порядке – Луи Дюран имел соответствующее каперское свидетельство и мог поднимать на корабле флаг того государства, которому служил. А вот с товаром – как сказать. Временами «Люсия» везла необременённую налогом контрабанду и сегодняшний день не исключение.

А ещё эта тварь хвостатая.

Как пить дать, она и наслала эту треклятую проверку.

– Отставить совет, – мрачно заключил капитан, – Созвать на палубу. От этой громадины не уйдём. Придётся позволить им сунуть свои ревизорские носы в наш скромный трюм.

Глава 3

Синий мундир, козлиная борода и надменная рожа – достаточно раз взглянуть на командира военного галеона, этого лощёного типа, чтобы понять: просто не будет.

– Санто-Доминго, значит? – при тусклом свете фонаря ревизор вчитывался в каперское свидетельство, – Там получено разрешение?

– Совершенно верно, дон Вальдес, – перед уважаемым испанским сеньором Луи Дюран лебезил, заискивал, вилял задом.

Пожалуй искусством влезать без мыла в... милость высокопоставленных господ капитан «Люсии» владел в совершенстве.

Хитрый, изворотливый, как уж, французшика. И плевать, что друг.

Сам Эстебан красноречием не отличался, в переговорах с любезными соотечественниками предпочитал отмалчиваться и незримой тенью стоять за спиной своего скользкого товарища.

– Куда направляетесь? – грозным тоном вопрошал ревизор.

– Порт Веракрус, сеньор.

– Трофей?

– Невелик, – натужно улыбался Дюран, – Ткани, специи, семена, а ещё пенька и, – капитан нервно хмыкнул, – Выпивка.

– Откуда товар? – бесстрастный тон военного командира напоминал опасную бритву в руках безумца: не знаешь – полоснёт или побреет.

– Захватили английский бриг, шедший с Ямайки. Товар забрали себе, пассажиров отправили в шлюпке на берег, а судно через четыре дня продали португальцам, случайно встреченным на шхуне в открытом море.

«Синий мундир» повёл тонкими, изогнутыми, как нить, усами и брезгливо оглядел команду. На матросов «Люсии» смотрел как на отребье.

Отребьем и считал. Вслух не произносил.

– Осмотреть трюм, – скомандовал ревизор, – Изъять десятую часть в испанскую казну.

– Но дон... – возмутился Дюран, – В порту Веракруса мы будем вынуждены отдать эту самую десятую часть. Не хотелось бы платить налог дважды...

– А это и не налог, – ощерился испанец, – Считаю платой за пропуск.

Матросы негодуяще нахмурились, заиграли желваками, но возражать не посмели. В море же оно как? Кто лучше и качественнее вооружён, тот и прав. Прямо сейчас перед ними стоял чудовищно огромный галеон с сотней, – а то и больше, – пушек и целым штатом канониров. Какие тут могут быть возражения?

Если б не прошляпили, не подпустили военный корабль так близко к «Люсии», глядишь и улизнули бы, а теперь...

И ведь всё из-за этой треклятой русалки!

Переполошились. Девку хвостатую увидели, рты раззявили. И кто теперь виноват?

Сейчас, глядя как Диего де Вальдес, этот напыщенный индюк, обирает их как пацанов шкодливых, Эстебан косил взглядом в сторону полуюта, где располагались личные покои капитана.

Она там живая вообще? Девушка. В бочке этой. Вода поди уже как кисель.

– И какова выручка от продажи шхуны? – ревизор решил добить понурившего голову Дюрана, – От той, что сбыли португальцам.

Пятьсот песо чистыми...

– Триста, – проблеял француз и ни единый мускул на лице его не дрогнул от этого вопиющего вранья, – Триста песо, сеньор.

– Продешевили, – выплюнул де Вальдес.

И скорее всего не поверил.

Лишь усмехнулся самодовольно. Так, что усы безобразно расплзлись вдоль его кривого рта.

– Сожалею, дон, – Луи Дюран театрально всплеснул руками, – Хотели сбыть побыстрее. Торопились.

Ревизор, переглянувшись с камрадами, почесал задумчиво свою козлиную бороду.

– Полагаю, – «Синий мундир» коварно прищурил глаз, – Сто песо будет достаточно, чтобы мы позволили вам продолжить странствие.

Кто-то из матросов дёрнулся, но Эстебан вовремя остановил бунтаря. И посмотрел на товарищей многозначительно, чтобы не вздумали обострять конфликт.

Сто песо – натуральный грабёж! И всё же это не те деньги, чтобы бездарно потерять половину команды в стычке с опытными вояками. Такие даже если убьют, везде прикроются или Святой Верой или службой во славу великой Короны.

– Боюсь, что выручку мы уже поделили, – капитан «Люсии» отчаянно спасал честно награбленное, – Придётся собирать вскладчину. С каждого по монете. Подождёте, сеньор? Темно, неудобно. Как бы не обсчитаться.

Триста акул тебе в задницу, что ты несёшь, Дюран? Нихрена мы не поделили! Откупись и пусть катятся в пасть к морскому дьяволу.

– А я никуда и не тороплюсь, – усмехнулся ревизор, – Надеюсь, твоя каюта, капер, удобно обустроена.

Диего де Вальдес поправил мушкет на поясе, смахнул демонстративно пыль со своего камзола и указал рукой с накрахмаленным белоснежным манжетом в направлении полуюта.

Если бы Эстебан мог, то вынул бы из собственного кармана кошель и кинул синему мундиру прямо в его спесивую физиономию. Лишь бы убрался. Но нет, теперь заподозри этот каброн неладное, почувствуй подвох – и велит перевернуть каюту французишки.

И в бадью злосчастную сунет свой длинный любопытный нос при любом раскладе.

Потому что невозможно не заметить бочку размером в треть капитанских покоев. Нельзя не заглянуть, что за контрабанду везёт француз в личной опочивальне.

Квартирмейстер чувствовал себя нашкодившим дворовым хулиганом, который прямо сейчас собственными глазами видит, как вот-вот раскроется его деяние. Видит и сделать ничего не может.

– А это что? – вместе с уродскими усами вытянулось лицо де Вальдеса при виде обители морской ведьмы, – Товар, о котором ты умолчал, капер?

Ревизор дал знак одному из своих офицеров. Тот пересёк каюту, скинул кусок парусины, осветил фонарём и оторопел.

– Что там? – нетерпеливо гавкнул командир галеона, – Чего застыл?

– Санта Мария, мать Божия, молись о нас грешных, – перекрестившись, офицер опустил дрожащую руку в воду, схватил русалку за волосы и, грубо потянув на себя, продемонстрировал всем присутствующим тайную капитанскую контрабанду.

Глава 4

Пара часов в русалочьей темнице и дерзкий взгляд миндалевидных глаз сменился усталым изнеможением. Кожа невольницы заметно посерела, в движениях её появилась заторможенность. Как будто вне привычной стихии её тут же одолела опасная хворь.

От яркого света фонаря, девица зажмурилась. Поморщилась. Пискнула от боли что-то невнятное. А когда смогла вновь открыть глаза встретила с Эстебаном взглядом.

Она посмотрела очень странно. Без малейшего страха, скорее, с укором и бесконечной усталостью. От этого взгляда почему-то зашевелилась совесть. Квартирмейстер уже сотню раз пожалел, что ввязался в историю с морской ундиной. Что не проявил милосердия, что сам был груб и невежественен.

Она же женщина в конце концов. Хоть и с хвостом рыбьим. Одно дело пристрелить из мушкета засранца в синем мундире, другое – проявить жестокость в обращении с дамой.

– Милостив будь Отец Всемогущий, – перекрестился второпях командир галеона, – Как я понимаю, на твоём корабле капеллана нет? – обращаясь к капитану, Диего де Вальдес подошёл к баде и оглядел девушку внимательно.

– Нет, сеньор, – выдавил еле слышно Луи Дюран.

В мгновение ока жадный француз побледнел как аксолотль. До прозрачности. Набрал в рот воздуха и застыл, судорожно перебирая в голове слова оправдания.

– Выходит, на этом судне некому бороться с силой нечистой, – в голосе вояки послышалось предвкушение, – Выходит, вся твоя удача зиждется на сделке с морским дьяволом и его прихвостнями.

– Никак нет, сеньор... – начал капитан, но ревизор жестом остановил его.

– Я мог бы изъять весь твой товар, пушки, порох и картечь. Я мог бы приказать взять матросов под арест, а судно, – сощурившись, де Вальдес сделал паузу, – Отфрахтовать в Санто-Доминго.

Эстебан скрежетнул зубами.

А мог бы заткнуться и убраться на свой треклятый галеон.

– И всё это – угрожающе подытожил ревизор, – С разрешения святой нашей Матери-Церкви.

Всё ясно. Сейчас потребует вывернуть все наши карманы. Оставит без порток и мы ещё радоваться будем, что легко отделались.

Всё это время капитан «Люсии» молчал. Ждал приговора, как осуждённый казни.

После такой встряски команда спустит псов на незадачливого руководителя. Быстро сменит командование и спасибо, если не высадит Дюрана на ближайшей песчаной косе.

И скорей всего выберут в командиры его – Эстебана. Вот только сам квартирмейстер принимать капитанство не рвался.

– Сколько? – глухо просипел Луи Дюран так, что, кажется, его французский говорок стал на порядок заметнее, – Сколько вы хотите, сеньор?

Диего де Вальдес приказал своему офицеру ослабить хватку и русалка наконец-то спряталась от любопытных глаз. Безвольной куклой сползла на дно бочки.

– Тысяча, – «синий мундир» подошёл к капитану вплотную и навис угрожающе с самодвольной ухмылкой, – Тысяча песо и я, так и быть, уговорю падре Альфонсо, моего капеллана, провести мессу на этой дырявой посудине и вознести молитвы за ваши пропавшие ду...

– Пятсот, – грубо перебил квартирмейстер, поскольку терпение его давно закончилось, – Больше у нас нет. Больше из нас вам не выжать, хоть убивайте.

Хищная физиономия исказилась неподдельным интересом. Только сейчас вояка отстал от капитана «Люсии» и, гулко отчеканив каблуками сапог, поравнялся с Эстебаном.

– Кто ты такой?

– Квартирмейстер, сеньор.

– Пятьсот маловато будет, квартирмейстер, – де Вальдес гадко осклабился, – Можешь ли ты предложить мне что-то ещё?

Как же ненасытны люди, обличённые властью. Аж тошнит.

– Русалку, – в голове Эстебана проскочила безумная мысль, – Я лично готов доставить её на ваш корабль. Делайте с ней, что хотите. Нам она принесла несчастье, но на вашем судне капеллан. С милостью Господа, его молитвы уберегут вас от происков дьявола.

– Маловато, но так и быть, – выплюнул ревизор, – По рукам, капер. Отрадно, что мне не придётся самому марать руки о бесовскую ведьму.

Квартирмейстер отдал приказ.

Матросы «Люсии» вытащили бадью на палубу. Медленно, осторожно – согласно указанию Эстебана, – опустили бочку на пол и нагретая от юкатанской жары вода выплеснулась на деревянный пол.

Эстебан избавил русалку от пут, – кисти её рук покраснели от непрерывного трения верёвки, – и на этот раз поднял бережно и аккуратно. Нёс на руках к трапу.

Весила она ничтожно мало. Ещё в первую встречу квартирмейстер удивился тому, как худы и тонки её руки, как узка и изящна спина, остры плечи. Лишь округлая грудь, обтянутая лифом из грубых волокон агавы, свидетельствовала о зрелости этой диковинной молодой девушки.

– Запомни мою доброту, – оказавшись на середине трапа, шепнул Эстебан ей на ухо, не надеясь, однако, на понимание, – И замолви за меня словечко перед хозяином этих вод, если море в конце концов заберёт меня.

Квартирмейстер остановился, посмотрел на ждущих по ту сторону офицеров, а затем с наглостью смутьяна резко сбросил чашуйчатую девицу за борт. Аккурат в зазор между кораблями.

– Ах ты безродное отребье, – взревел ревизор, схватившись за мушкет.

Офицеры похватили оружия, матросы мигом переполошились.

– Стоять! – скомандовал «синий мундир» бунтарям. – А ты, мразь паскудная, – де Вальдес направил на Эстебана мушкет, – прыгнешь следом. И только попробуй вынырнуть. Клянись, твои вонючие кости будут изрешечены картечью.

Громкий хлопок и дымящееся дуло было Эстебану красноречивым предупреждением. Шальная пуля близко взвизгнула, просвистела, вонзилась в кусок древесины.

Второй раз повторять не пришлось – квартирмейстер добровольно последовал за своей протее в глубину чёрных вод.

В ночи на палубе началась сушая неразбериха: матросы, не выдержав, напали на офицеров. Зазвенели клинки, загремели выстрелы. Трапы плюхнулись в воду и старушка «Люсия», как величал её капитан, поспешно пришла в движение. Корабль давал дёру, пока вояки не успели вернуться на свой галеон.

Квартирмейстер отлично плавал. Отменно нырял. Задерживал дыхание непозволительно долго. Но по нелепой случайности получил по голове обломком деревянного трапа и потерял сознание.

Глава 5

– Айн-н-на, – запах копала бодрящий, кисло-сладкий, отдалённо напоминавший чистый ладан, ударил в нос так, что Эстебан едва не зашлёлся кашлем.

– Айн-н-на, – низкий старческий голос монотонно напевал на незнакомом языке.

Испанец открыл глаза и несколько мгновений бездумно пялился на соломенную крышу жилища.

Разве так должен выглядеть Рай или я попал в Ад? А может мне надлежит пройти испытания Чистилища, как завещал великий Данте Алигьери? Тогда, должно быть, моё место у подножия горы. Там, где все нерадивые, что до смертного часа медлили с покаянием. Здесь и прозябать мне до начала восхождения.

– Айн-н-на, – смуглый седой старик в набедренной повязке и тонком белом плаще, закреплённом на одном плече, махнул в очередной раз каким-то вонючим веником перед носом Эстебана.

Квартирмейстер чихнул. Смачно и громко. Так, что, кажется, именно в этот момент испанец окончательно пришёл в себя.

– А-а-а, – с удовлетворённой улыбкой кивнул старик, – Двуногий человек очнулся. Это хорошо. Это радует.

Голос у незнакомца был скрипучим, но мягким. Как у мудреца из сказок. И хотя старик говорил с сильным акцентом, говор его казался успокаивающе приятным.

– Кто вы? – чувствуя невероятную слабость, хриплым шёпотом спросил Эстебан, – И где я?

Старик подал испанцу плошку с водой и помог напиться, а после уселся на короткую циновку, скрестив ноги, и лишь тогда ответил:

– Моё имя Ицамна. Я целитель, а ты – мой гость.

В доме загадочного лекаря не имелось мебели. Циновки, шкуры, гамаки, корзины и глиняные сосуды для его лекарственных снадобий – это, пожалуй, всё, чем располагало скромное целительское жилище.

Сам домишко тоже оказался незатейлив. Деревянная основа, покрытая необожженным кирпичом, внутри помещения тростниковая облицовка, над головой – крыша, крытая соломой.

Халабуда.

Это тебе не шикарные энкомьенды испанских плантаторов.

– Хорошо, – находясь в жутком недоумении, Эстебан Альтамирано машинально кивнул, – А как зовётся место, где расположен твой дом?

Квартирмейстер помнил. Море. Корабль. Мятеж товарищей. И вдруг раз – и какая-то лачуга с полуголым индейцем.

А точно видимое мною истинно и я не бесплотный дух?

– Кулуакан, – простодушно ответил старик, – Но едва ли ты о таком слыхал, человек.

Действительно не слыхал.

Названия мелких поселений Эстебан не знал. А если знал, то не помнил. Хотя бывало до его ушей долетали байки о глухих деревнях, где до сих пор обитали индейцы, далёкие потомки воинственных юкатанских майя. Подробности, однако, Альтамирано не интересовался.

Кулуакан. Это на востоке или на западе от Мериды? Рио-Лагартоса? И далеко ли до ближайшего порта?

– Скажи, Ицамна, – мысли в голове расплзались хаотично, квартирмейстер точно помнил, что не пил, но ощущал себя как будто с жуткого похмелья, – Я помню, что упал в море. Наш корабль, – Эстебан покосился на целителя – Ты же знаешь, что такое корабль?

Мало ли, какие люди живут в этом Кулуакане? Возможно, никогда не видали судов большие индейской пироги.

Следующая мысль заставила квартирмейстера похолодеть.

Дикие племена могут быть воинственно настроены. Помню я авантюристов, что искали сокровища в древних майянских городах. Находили заросшие густым папоротником религиозные строения, а заодно и собственную смерть от удара копья в затылок.

Но к облегчению Эстебана старик утвердительно кивнул и снова добродушно улыбнулся.

– Так вот, наш корабль, – доброжелательность и некая осведомлённость целителя, а ещё его знание испанского, внушали какое-никакое доверие, – Шёл на приличном расстоянии от берега. Но я здесь. На твёрдой земле, – Эстебан красноречиво поёрзал по циновке, – Известно ли тебе, как я попал сюда?

– Твоё явление для нас самих великая тайна, – нахмурился Ицамна, – Но пока ты находишься здесь, в Кулуакане, ты наш почётный гость и никто не помыслит обидеть тебя.

То есть от меня они подвоха не ожидают. Решили, что не посмею напасть на безоружного старика?

В подтверждение собственных мыслей Эстебан хлопнул себя по поясу, но ни складного ножа, ни короткого кортика, ни даже ремня, что держал всё это великолепие на нём не оказалось. Хвала Господу, золотая монета с символом Тлалока, оставалась в его кармане.

Целитель усмехнулся.

Заметил метания своего пациента, но в ответ промолчал. Чудь погода поднялся медленно по-стариковски, пошуршал чем-то у каменной кладки, что служила примитивной печью, а затем принёс испанцу несколько тёплых румяных маисовых лепёшек. К ним прилагалась каша из толчёного авокадо и томатля, – прародителя знакомого Эстебану помидора, – а ещё нарезка какой-то неведомой зелени и мутный напиток в пузатом глиняном сосуде.

От аппетитного аромата, что источала выпечка, и от вида дерзкой подгорелой с одного бока корочки живот Эстебана тут же отозвался громким урчанием. Запел как новокаледонский кит во время сезонной миграции.

– Ты голоден, двуногий человек, – лекарь разломил лепёшку и поделился с испанцем, – Окажи честь, раздели со мной эту скромную трапезу. До ужина ещё далеко, но у меня нашлось угощение для нашего чужеземного гостя.

Такого уж и чужеземного? Уж двести лет как ваша земля стала нашей...

Сам Ицамна не стал дожидаться, когда квартирмейстер соизволит отведать его стряпню. Старик подцепил куском лепёшки овощную кашу, завернул в конвертик, тут же лихо отправил в рот и запил своей мутной жижей.

Пожилой индеец ел руками, но делал это аккуратно, изящно и очень проворно. Почти аристократически.

– Благодарю тебя, целитель, за гостеприимство, – Альтамирано повторил за стариком нехитрые действия, хотя и управлялся с тонкой хрустящей лепёшкой менее ловко, – Ты сказал, что тебе неизвестно, как я попал сюда. Но ответь мне, здесь я – пленник?

– А ты видишь пути на своих руках? – сощурился старик.

– Нет, разумеется, нет – поспешил добавить Эстебан, – Тогда... Известно ли в какой стороне Рио-Лагартос? Или... любой крупный город, где, знаешь, – испанец обвёл рукой собственную физиономию, – Живут такие, как я.

Лицо целителя тут же утратило былую учтивость. В миг старик посерьёзnel и досадливо покачал головой.

– Ты действительно можешь покинуть наш славный Кулуакан, если пожелаешь, – сказал он, – Волен отправиться в другие города и поселения, но куда бы ты не пошёл, тебе не отыскать места, где живут такие же двуногие, как ты.

Старик не в себе? Почему зовёт меня двуногим, когда ровно такую же пару ног имеет он сам?

– Мы находимся более, чем в пяти тысячах легуа под водой, – заявил Ицамна, – Только Иш-Чель знает, как ты попал сюда, ибо более никто из тланчан не имеет представления, как человек смог оказаться так далеко от своих собратьев.

– Под водой?! – ошеломлённый этой возмутительной небылицей Эстебан рывком поднялся, но тут же рухнул и покрылся испариной. Слабость в теле всё ещё единолично владела им. – Что ты несёшь? – возмущаясь, испанец похлопал ладню по насыпному полу, – Вот же твёрдая земля. Как я могу быть под водой?!

– Остынь, – старик повелительно вскинул руку, словно совсем не боялся разгневанного испанца, – Я вижу, как ты вспылчив и горяч. Лучше вспомни-ка, человек с корабля, последние дни видел ли ты что-то необычное? Может даже своими глазами узрел тланчану, русалку по-вашему?

Русалку. Видел, дьявол её дери! Глазами видел, руками трогал.

Мало ему проблем было с той хвостатой сеньоритой, теперь попал к какому-то безумному старику и вынужден слушать его сказки.

– Видел значит, – догадался лекарь по выражению его, Эстебана, лица, – А раз видел, значит не должен удивляться словам о подводном царстве.

– Но... – возмутился квартирмейстер, – Мы же на земле. Вот же она вокруг. За стенами жилища я слышу щебет птиц, шелест листьев...

– А ты думал тланчаны живут в глубоководных гротах? Или на затонувших кораблях? Нет, двуногий человек, наше царство окружено куполом. Пузырём, если угодно. Здесь, мы похожи на вас, людей. Дышим как вы, ходим как вы и так же как и вы занимаемся любовью. Однако за пределами купола мы меняем свой облик. И до сегодняшнего дня ни один двуногий ничего не знал о нашем мире.

Эстебан моргнул раз. Моргнул другой.

Всё больше склонялся к мысли, что сошёл с ума. Помутился рассудком и спит где-то в хмельном забытии.

Сейчас он проснётся, увидит перед собой французского товарища и расскажет ему про свой нелепый сон. Дюран потом, разумеется, поржёт от души, даст глупое прозвище или просто обзовёт тупой акульей задницей.

И будет, как раньше. Как всегда было.

Или нет?

– Иш-Чель привела тебя к нам, – после недолгой паузы, продолжил старик, – Если её отец позволит тебе говорить с ней, она ответит на твои вопросы.

Покачав головой неверяще, Эстебан нервно хмыкнул.

Молоденькая ундина с ультрамариновым хвостом, вероятно, и есть та самая Иш-Чель.

Что ж, русалочка. Будем знакомы.

Глава 6

Вечерняя заря была пронизывающей, ярко-красной, как спелый плод томата. Свет бил по глазам, прожигал. Даже сквозь закрытые веки проникал в самую душу.

По крайней мере, так казалось Иш-Чель, поскольку таким же алым цветом полыхал её стыд.

Но она намеренно не опускала занавесь. Смотрела в окно и наблюдала за солнцем, что освещало Кулуакан внутри подводного купола, повторяя в точности движение земного небесного светила.

Иш-Чель была щедра на дерзкие выходки. Ей, дочери касика, всё сходило с рук. Немногие женщины могли похвастаться таким же обилием авантюр. Редко кто из мужчин имел настолько богатую коллекцию диковинных вещей, скрупулёзно добытых с затонувших кораблей.

А Иш-Чель имела!

Отхватила добротный кусок разбитого зеркала, хранила три астролябии, компас, хронометр, складной нож, карманные часы на цепочке, – которые, разумеется, не работали, – уцелевший кусок карты, корешок от книги, медный кубок, здоровенный кинжал и ржавый мушкет с превратившимся в камень порохом.

Всё это богатство тланчана выпросила у вождя-отца, а кое-чем разжилась и сама в одну из счастливых вылазок с разведывательным отрядом за пределы купола.

О, то был благословенный день! Иш-Чель так отчаянно просила у родителя позволения отправиться к затонувшему судну, что касик, не выдержав, разрешил. Назначил внушительное войско охранения своей любимой, – и единственной! – дочери, а посему, когда весь этот табор нагрянул на дохлый полуразвалившийся шлюп, опытные воины разведки позволили избалованной тланчане забрать весь приглянувшийся трофей.

Вождь полагал, что на этом его кровиночка успокоится, но ошибся. Иш-Чель пожелала поступить на обучение в кальмекак, школу для подводной разведки, чтобы наравне с мужчинами исследовать океан и, самое главное – подниматься на поверхность для наблюдения за настоящими двуногими людьми.

Дочурка настаивала, спорила, препиралась, торговалась. Вцепилась зубами в эту свою безумную идею и с неуёмной прытью упрашивала родителя.

Но кальмекак не посещали женщины.

Не покидали кулуаканские девы подводного купола дальше чем на пол-легуа.

Не спорили с отцами, обличенными властью, в конце концов!

Благоразумные тланчаны, достигшие своего двадцатилетия, послушно выходили замуж и с большим энтузиазмом одаривали мужа отпрысками, а родителей – внуками. И на сей раз капризы Иш-Чель остались без внимания. От касика русалка получила твёрдый отказ.

Подводный мир опасен даже для самых ушлых и пронырливых. Хищные рыбы, ядовитые морские змеи, острые кораллы – это всё равно, что человеку уйти одному далеко в дремучие джунгли. Не сожрут, так что-нибудь непременно откусят.

Для Иш-Чель всё казалось игрой, забавной авантюрой, увлекательным приключением. Она возомнила себя бесстрашной, решила, что с ней уж точно ничего не могло случиться и, услышав злополучное «нет», в тот же день проворной ставридой удрала из поместья вождя.

Ну, что ж, теперь спеси у неё поубавилось.

В руках алчных моряков она оказалась беззащитна и бесконечно уязвима. Несколько часов в тесной бочке с прелой от юкатанской жары водой, в душной комнатёнке отрезвили её, раскрыли неприглядные грани жестокой реальности. Засияла ярким светом родительская правота, запоздало пришло осознание.

От того теперь и жгли глаза закатные лучи солнца, напоминая русалке о её наивности. Страшный кошмар, что она испытала на том человеческом судне, стал для Иш-Чель суровым жизненным уроком.

Но великий Тлалок милостив!

Тланчана отделалась лёгким испугом, что в том совершенно безвыходном положении казалось с родни самому настоящему чуду.

Чудом и было.

С чего вдруг тот хмурый человек, что собирался её не то зарезать, не то продать, вдруг резко изменил свои планы и вздумал помогать ей? Тот единственный двуногий, чьё лицо русалка накрепко запомнила.

И голос.

Повелительный тон, отдающий приказания. Громкий рявк, которым моряк осадил шутника и низкий шёпот, которым просил «замолвить словечко перед хозяином морей».

Однажды до ушей Иш-Чель долетело слово, которое, по слухам, люди использовали в своём обиходе – куртуазный. Что оно значило, тланчана не понимала, но слово казалось таким вычурным, таким забористым, так оно звучно перекатывалось на языке, что хорошенько врезалось в память.

Тот человек с корабля, по её мнению, был именно таким – куртуазным. Именно так его хотелось живописать.

Иш-Чель понимала: моряк намеренно пошёл против более влиятельного и сильного сородича. Зачем и почему – вопрос интересный. Но бросить в беде странного, противоречивого и бесконечно куртуазного двуногого дочь вождя не смогла.

Теперь сидеть Иш-Чель взаперти в родительском поместье и передвигаться ей по городу исключительно в окружении плотного кольца охраны.

И поделом.

Сама виновата, глупая.

Едва солнце зашло за горизонт, тланчана отошла от окна. Полотно с узорчатой вышивкой грузно опустилось, в светильнике с тряпицей, щедро пропитанной кокосовым маслом, затанцевал огонёк. Моргнул приветливо, отражаясь в диковинных вещицах, компасах, астрольбиях и половинке разбитого зеркала.

Иш-Чель расплела смоляные косы, распустила ремешки сандалий, присела на мягкий топчан.

Светильник погасить не успела.

Снаружи кто-то закопошился, зашуршала тяжёлая ткань оконной занавеси, один прыжок – и в проёме показался тот самый моряк, которого сердобольная тланчана, – не приведи Тлалок, чтобы узнали как именно! – притащила в Кулуакан. Заметив побледневшую от испуга Иш-Чель, мужчина спешно приложил палец к губам.

– Тихо, не пугайся! – человек вскинул руки в капитулирующем жесте, – Ничего не сделаю, поговорить хочу.

Тланчана медленно кивнула. Визит, конечно, неожиданный, но от чужеземца не исходило опасности.

– Стар я уже залезать в окна к прекрасным сеньоритам, – перекинув ноги, моряк резво спрыгнул, но, не заметив уступ, налетел коленом, – Ну здравствуй, Иш-Чель, рад видеть тебя в добром здравии, – потирая ушибленное место, комично прокряхтел он.

Пожилой лекарь выболтал человеку имя русалки. Что ж, тланчана тоже помнила, как обращался к моряку его товарищ.

– И ты здрав будь, Тиен.

Глава 7

Три дня квартирмейстер провалился варёным угрём в хижине пожилого целителя. Ещё три дня – угрём варёным притворялся. Выходил из лачуги, шатаясь, и привалившись к стене наблюдал за помещьем местного вождя.

По меркам Эстебана, рафинированного андалузца, Кулуакан оказался вовсе не селением, не деревушкой, как испанец думал раньше, а самым настоящим полноценным городом. Не родная Севилья, конечно, но размах впечатлял. Здесь каменные постройки внушительных размеров соседствовали с дикими джунглями, поместья высшей знати располагались близко к жилищам ремесленников, вокруг город обхватывала река, где за её пределами труженики-землепашцы выращивали маис и обитали в примитивных глинобитных мазанках.

В слова безумца-целителя верилось с трудом. Вместо тёмно-синих вод, косяков мелких рыбешек или огромных размером с дом китов над головой светило самое обыкновенное солнце, а вместе с ним лениво скользили пушистые, как перина, облака. Жара стояла невыносимая. Тропическая, липкая, как в парнике.

И вокруг всё было сочно и зелено. Пёстро, живо и звучно. Чего стоил только настёрный изумрудный квезаль, который, сидя на ветке, повадился чирикать ранним предрасветным утром, будя всю округу.

Не бывает так в пяти тысячах лиг, – легуа, это же лига? – под водой.

Старик Ицамна определённо держал Эстебана за дурака. Толком ничего не объяснял, а за ответами спраживал.

Увидеть бы эту Иш-Чель. Если она действительно русалка, как заявляет сумасшедший дед, то пусть объяснит как он, Эстебан, сюда попал и как сможет вернуться обратно.

Квартирмейстер не был пленником, но люди правителя за ним внимательно следили. Именно поэтому испанец усиленно изображал недомогание. Оседал на землю, прямо у входа в дом и из-под полуприкрытых век примечал, когда у молчаливых наблюдателей «пересменки».

У соседнего строения, – где, как выяснил моряк, жил уважаемый тланчанин, перьевых дел мастер, – безобидный слуга скрупулезно обтачивал кремний. За монотонной работой этот низкий коренастый мужичок зыркал украдкой на Эстебана и продолжал с видом увлеченным точить один единственный кремниевый нож целые сутки.

Таких «тихонь» квартирмейстер насчитал около десятка и все они миролюбиво занимались своими делами, упорно прикрываясь безразличием и отсутствием интереса к диковинному гостю. Вот только счастливый случай расставил всё по своим местам: возле жилых построек заметили пантеру. Голодная и опасная животина подобралась слишком близко к домам и визжащая от страха женщина заставила воинственных стражей переполошиться.

Вот была потеха, когда безобидный заточник, что сутками мусолил кремниевый нож, вдруг поднял куцую хлопковую тряпицу, выудил оттуда огромную дубинку с лезвиями по краям и бросился в атаку на забредшую к своему несчастью дикую кошку.

С дисциплиной у русалочьего племени было неплохо. Хреново – с организацией. На подозрительный источник шума сбегались всей толпой, оставляя без охраны уязвимые дыры.

Этим квартирмейстер и воспользовался, решившись на тайное рандеву с новой знакомой. Поджёг соломенную крышу, какого-то мелкого сарая с помощью солнечных лучей и увеличительного стекла, а потом слинял из дома Ицамны и дежурил под окнами русалочьей принцессы. Ждал, пока суровый охранник в шкуре ягуара отойдёт отлить...

Говорить с Иш-Чель Эстебану запретили. Вернее, дали понять, что на приватный разговор с царственной особой он может не рассчитывать. Кулуауанцы, разумеется, знали о его самоотверженном подвиге, были ему благодарны, даже пригласили на какой-то праздник, где,

по слухам, он мог получить аудиенцию вождя, но закон есть закон. Какой отец позволит подозрительному малознакомому мужику свидание с его незамужней наследницей?

Эстебан это хорошо понимал. Так было везде. Все отцы одинаковы. Хоть с Юкатана, хоть с Эспаньолы, хоть со стольного Мадрида.

Расположение принцессиных окон квартирмейстеру выболтал лекарь. Целитель вообще очень любил молоть языком не по делу. Чаще говорил про свои травы и припарки, но кое-что поведал о правящей семье и дочери вождя в частности.

Красавица-гланчана обитала на втором этаже и, по счастью, под её окном рос здоровый тропический палисандр. Вот по этой шерботой громадине квартирмейстер взобрался, – таке-лажная он крыса в конце концов или кто? – и одним не самым, правда, удачным прыжком оказался в покоях упомянутой так много раз Иш-Чель.

И, раздери дьявол, это была она!

Длинноволосая русалка с глазами-миндалинами и двумя, – двумя! – человеческими ногами. Сидела на топчане в окружении ротанговой мебели (ещё какой-то хренотени, вроде как корабельного старья) и глазами хлопала ошарашенно.

– И ты здрав будь, Тиен, – самообладание царственная хвостатая вернула в одночасье и, похоже, к диалогу была расположена.

Иш ты, запомнила, как окрестил меня лягушатник. А я, дурак, гадал, понимает она по-нашему или нет.

Эстебан пришёл сюда за ответами. Рисковал чёрт знает чем и жизнью в первую очередь. Вряд ли правитель-папаша обрадуется пронырливому чужаку, что околачивался среди ночи в покоях дочери. Но добравшись до вожделенной цели, вдруг замер. Застыл в оцепенении.

Выходит старик не врал? А иначе глаза мои меня предали. Вот же она, морская ундина, сидит на топчане и смотрит на меня выжидаяще.

Квартирмейстер хотел спросить её, где он? Как попал сюда? Не умер ли он и не сошёл ли с ума? Почему над головой небо и жгучее солнце, а не гигантский китовый хвост? Где конец и край волшебного купола, о котором говорил старик? И, наконец, как ему попасть обратно в мир родной и привычный?

Но вспомнил вдруг, как нелюбезен был с Иш-Чель на борту «Люсии». Как руки заломил да угрозами сыпал. Как ей поплохело в одночасье и как дрожала она, когда он нёс её к трапу.

Поэтому в опасном для него положении, в утекающем времени, в окружении стражи за стеной задал совершенно странный, иррациональный вопрос:

– Как ты, Иш-Чель? Теперь с тобой всё в порядке?

Глава 8

Как точен иногда чужой язык!

– Теперь я нахожусь в полном порядке, – ответила тланчана моряку.

На наречии двуногих «быть в порядке» означает явление временное. Хрупкое и шаткое. Выходило так, что чужеземный язык мастерски орудовал понятием изменчивости и постоянства, но едва ли кто-то из людей осознал это.

– Я сожалею, – человек рассеянно всплеснул руками, – Сожалею и прошу прощения. Не сразу распознал в тебе принцессу и вообще... – квартирмейстер неуклюже потёр затылок, – Вся эта история вышла безобразной.

Внезапный гость отошёл от окна и опёрся спиной о выбеленные известью стены. Голову он пригнул, слегка сутулился, опасаясь быть замеченным, и смотрел на Иш-Чель рвано. То прямо в глаза, то снова опускал веки или переводил взгляд на убранство спальни.

Говорил при этом полусшёпотом и постоянно косился на узкий цветной вход в соседнее помещение, безошибочно распознав комнату для слуг.

– Но теперь я тоже потерял, – с этими словами носитель непривычного для русалки имени вдруг поднял голову и посмотрел укоризненно, – Понять не могу. Я тебе жизнью обязан или так ты отблагодарила меня за помощь?

– Я выполнила твою просьбу, – меньше всего Иш-Чель хотелось объяснять ему свой внезапный героический порыв, – Выполнила, однако, не до конца. Ты просил замолвить слово у хозяина морей? Тогда мне положено отправить гонца в столицу и оповестить о тебе нашего великого тлатоани.

– О, нет, нет, – испанец вскинул ладонь, – Премного благодарен, но мне и твоего царственного отца, полагаю, будет достаточно.

– Тогда чего же ты хочешь? – тланчана держалась горделиво, сидела приосанившись, как царица и едва ли чужеземец догадывался, с каким трудом она подавляла жгучее любопытство, а ещё желание подробно и жадно рассмотреть его.

– Я пришёл за ответами. По мнению почтенного лекаря, я всё ещё слаб и немощен, а значит не готов к встрече с вашим, как вы его называете? – моряк пощелкал пальцами в поисках подходящего слова, – вашим... касиком. Ицамна, так представился целитель, заявляет, что я попал в подводное царство и отсюда до поверхности дальше, чем от Севильи до Мадрида пешком. Я думал вместе с телом, он «лечит» мне ещё и голову, но вот передо мной ты, русалка, с двумя прелестными, просто ошеломительными ножками.

Жестом собеседник указал на предмет своего восхищения и от этого незатейливого комплимента по телу Иш-Чель прогарцевали колючие мурашки. Не от страха, скорее от накатившего вдруг волнения.

Тланчана тотчас бессознательно одёрнула край туники.

– Меня держат за идиота, – не обратив внимания на её смущение, хмыкнул моряк, – Не говорят, не объясняют, не отвечают на мои вопросы. На цепи не держат, но пристально наблюдают. Скажи мне, Иш-Чель, объясни где я, как попал сюда. Что твой отец, наделенный властью, будет делать со мной, чужеземцем? И наконец, как я могу вернуться обратно. И могу ли? Объясни мне!

К концу пламенной речи, испанец потерял контроль над собственным шёпотом. Заговорил сбивчиво, быстро, повышал голос так, что тланчане приходилось на него испуганно шикать. Чем быстрее говорил моряк на своём языке, тем хуже русалка понимала его, тем сильнее его говор напоминал бормотание.

Отвечать на вопросы Иш-Чель принялась по порядку. Как будто собеседник – маленький неразумный ребёнок и ей, как более сведущей, надлежало доходчиво рассказать о вещах, само собой разумеющихся.

– Ты находишься в Кулуакане, втором после столицы по богатству и моши городе, – тланчана поднялась, подошла ближе и сильнее понизила голос, – Всё наше подводное королевство невелико, примерно тридцать пять легуа в длину и сотня – в ширину.

– О, это даже меньше Ямайки, – нервно усмехнувшись, перебил её моряк.

Иш-Чель на это лишь пожала плечами.

– Наша земля невелика, как остров. Окружена куполом и, как ты успел заметить, внутри него мы живём подобно вам, людям. Мы видим солнце, двойник вашего небесного светила, под нашими ногами обычная земля. В лесах звери и птицы, в озёрах – рыба. Я полагаю, Кулуакан подчиняется тем же самым законам природы.

Чужеземец слушал её внимательно. Сердито хмурил чёрные крыловидные брови, а когда говорил – тонкие ноздри его прямого носа вздрагивали. Свет лампы бликовал на сосредоточенном лице, в тёмных глазах отражалось пламя. Разглядывая собеседника, тланчана примечала, как непохож человек на её сородичей.

Особенно своей аспидно-чёрной бородой. Небольшой, даже спустя время по-ассирийски аккуратной. После недавней вылазки Иш-Чель помнила – люди на том злополучном корабле, где служил квартирмейстер, ходили поголовно обросшие. Разлапистые, как папоротник.

Тланчане, напротив, бородой себя не украшали. Те редкие волоски, что пробивались иногда у мальчиков, их матери безжалостно прижигали или удаляли специальной пастой из расплавленного каучука. Хватало всего пару подобных процедур и даже куцые реденькие волосёнки переставали расти на лицах местных мужчин.

Моряк сказал, что «слишком стар, чтобы залезать в окна». Неизвестно сколько полных оборотов совершило солнце над его головой, но старым он не выглядел. Заматерелым – да, но отнюдь не стариком.

– Где можно увидеть этот ваш купол? – испанец тряхнул головой, чтобы убрать непослушную прядь, но настырный слегка вьющийся локон упрямо вернулся на законное место, – Там имеются входы и выходы? Как вы попадаете в море?

– Мы ныряем в сенот, – пояснила русалка, – Это такое место, где...

– Где протекают подземные воды, знаю, – кивнул моряк, – Глубокое озеро на месте провала известняковой пещеры. Таких мест на Юкатане полно.

– В Кулуакане тоже достаточно. И в таком случае, ты должен знать: сеноты очень глубоки. Мы погружается в них двуногими людьми, но спустя время грань купола истончается и мы меняем свой облик.

– Все? – хмыкнул нервно чужеземец, – Все так умеют?

– Каждый житель подземного острова. Каждый тланчанин, – подтвердила Иш-Чель.

– И за пределами купола обратно обернуться человеком уже не можете?

– Не можем.

– Хорошо, – испанец покивал своим мыслям, – Уже что-то.

Моряк глубоко вздохнул, тряхнул головой и растёр лицо, как растирают иногда, чтобы взбодриться.

– Как же ты привела меня сюда? Через пять тысяч лиг и глубокий пещерный разлом, – два карих глаза, обрамленные густыми пушистыми ресницами посмотрели на тланчану испытующе.

Сердце загрохотало как бешеное. Забил по вискам сумасшедший пульс.

Единственный вопрос, на который Иш-Чель отвечать не желала. Категорически. Не сказала отцу, не скажет и чужеземцу.

– Я не помню, – повторила тланчана, озвученную вождю версию, – Была напугана. Не поняла, как это случилось.

Испанец резко сник.

Поверил или нет, но самой главной тайны не выведаль.

Отвернулся разочарованно, подошёл к полукруглому ротанговому столику и принялся рассматривать ножи и астролябии из личной коллекции Иш-Чель.

Тланчана действительно не знала, как можно вернуть чужеземца на поверхность. Понимала лишь, что на обратный путь её сил уже не хватит.

– Значит, тебе неизвестно, как помочь мне, – вздохнув, моряк взял одну вещицу, покрутил и положил на место, – А какие планы на меня у вашего правителя, не говорил? – взял другую вещицу, потом третью, четвертую, на последней остановился, нахмурившись.

– Не говорил, – ответила Иш-Чель виновато. Устыдилась, что так и не спросила отца о судьбе человеческого мужчины, – Но я поведала вождю о твоём благородном поступке. Здесь, в Кулуакане, ты наш добрый гость. Никто не посмеет обидеть тебя.

Моряк усмехнулся.

Скривился и досадливо мотнул головой.

Погрузился в свои мысли, продолжая разглядывать человеческие безделушки.

– Знаешь что это? – заметив какую-то вещь, испанец резко сменил тему беседы, взял со столика складной нож из тланчаниной коллекции и протянул русалке.

– Маленький железный нож, – пожала плечами Иш-Чель.

– Наваха шестнадцатого века, – мужчина быстрыми шагами приблизился к источнику света, поднёс находку к масляной лампе, перевернул и рассмотрел гравировку, – Откуда он у тебя?

– Его отдал мне отец. Все эти вещи мы добыли с затонувших кораблей.

– Очень странно, – чужеземец задумчиво потёр подбородок и, кажется, позабыл на мгновение о своей беде, – Этот нож всегда носили при себе. Личная вещь, с ней просто так не расставались. И принадлежала эта наваха Хуану Веласкесу де Леону, если верить гравировке.

– Кто это такой? – Иш-Чель подошла близко, встала на цыпочки и выглянула моряку из-за плеча, – И что в этой штуке странного?

– Хуан Веласкес де Леон – один из первых конкистадоров, – тайна давно забытой бездельницы вдруг захватила внимание моряка, глаза его тут же заблестели, на лице отразился азарт, – Участвовал в экспедиции самого Эрнана Кортеса.

Русалке эти имена ни о чём не говорили. Половину слов чужеземца она просто не поняла.

– Ты его знал? – предположила она, – Был знаком?

– Нет, конечно нет, – хмыкнул испанец, – Я тогда ещё не родился. Да, полагаю ты ничего не знаешь об этой истории. Если коротко – расстаться с именной навахой было большим позором. Хуже чем застать жену в объятиях любовника. Разумеется, де Леон мог свой нож потерять, выронить, в конце концов, просто выбросить. Но я точно знаю, что этот благородный идальго погиб отнюдь не в море.

– А где? – жадная до знаний Иш-Чель аж рот открыла от изумления.

– Согласно «Правдивой истории», хронике одного из участников конкисты, Хуан Веласкес де Леон почил при переходе по дамбе во время знаменитой Ночи Печали в месте, которое сейчас называется Мехико и находится в глубине континента. Слишком далеко от побережья. И очень необычно, что его вещь попала именно к тебе.

Тланчана так впечатлилась сказанным, что не заметила, как вцепилась чужеземцу в руку, рассматривая диковинный, – и теперь многократно ценный, – предмет.

– Расскажи мне, – умоляла она моряка, – Расскажи мне всё, я вижу, что ты знаешь. Это же невероятно интересно!

– Светает, Иш-Чель, – нащупав у гордой русалочки слабое место, самодовольно усмехнулся испанец, – Надеюсь, пересменка у свирепого воина в ягуарьей шкуре не было, иначе мой визит может стать всеобщим достоянием.

– Не торопись, Тиен, сигать в окно, – ответила тланчана в той же манере, – Я помогу тебе покинуть поместье через комнату слуг.

Девушка достала кольцо с тёмно-зелёным жадеитовым камнем и протянула ночному гостю.

– Возьми, – сунула она квартирмейстеру в ладонь, – Я найду способ встретиться снова. Если ты готов поделиться знанием.

– Готов, принцесса, – чужеземец азартно блеснул глазами, – В обмен на твои ответы.

Глава 9

Шагая по тропинке, пригибаясь под особо низко висящими канатами лиан, Эстебан торопился вернуться в дом целителя, пока старик, коего одолевала предутренняя бессонница, не заметил пустующее ложе.

Дикие заросли плотно соседствовали с жилыми постройками, природа и рукотворные сооружения безмолвно соревновались в собственном превосходстве. Вдоль дороги колючий папоротник нагло раскинул свои рассеченные треугольные листья, как будто был борзым задирой и умышленно напирал на чужую территорию.

Сама узенькая тропинка, присыпанная мелкими камешками, преподносила сюрпризы в виде толстых извилистых корней деревьев или мелкой юркой живности. Бесстрашные твари божьи совершенно некстати ускользали из под стоп в самый последний момент, и вообще неожиданностей в кулуаканских полуджунглях было выше крыши: ползучих, прыгучих, летучих, падающих и поджидающих в самых непредсказуемых местах.

Но если от живности испанца спасала закрытая кожаная обувь, – и пусть его ноги беспощадно прели, с сапогами теперь он точно не расстанется, – то от безобидного сорняка Эстебан подвоха никак не ожидал. Незнакомый доселе лист какого-то дикого растения чиркнул слезгонца квартирмейстера по бедру, а ужалил при этом похлеще свежайшей крапивы. И это через плотную ткань штанов! Альтамирано наклонился, сощурился, пригляделся к драчливому остролисту: растение располагало мелкими чёрными конусообразными колючками. Ими оно и куснуло зазевавшегося прохожего за филей.

Тем временем в душе у квартирмейстера царили разброд и смятение.

Слова лекаря подтвердились, но самого главного испанец так и не узнал. Не захотела прелестная русалочка делиться с ним тайной подводного вояжа.

Заволновалась, зарделась отчего-то, промямлила невнятную отговорку и понятно стало сразу – не признается.

С другой стороны, с чего бы Иш-Чель вдруг стала доверять ему? Пожалуй, в её глазах Эстебан – натуральный грубиян и невежда, прохиндей с каперского судна, разбойник и душегуб.

Хорошо, не прогнала сразу и визгу не подняла, едва завидев мою лихую физиономию.

Вообще вся эта ночная вылазка была чистой воды сумасбродством. Окажись на месте русалочки любая другая сеньорита или, скажем, служанка, что дневала и ночевала в покоях хозяйки и всё – пиши пропало. Хотя, если подумать, ничего дурного Эстебан сделать бы не успел, а заодно досрочно получил бы аудиенцию местного правителя.

В кандалах. Или чем там эти тланчане вяжут преступников.

А Иш-Чель отважная особа!

Избалованная и дерзкая. Изворотливая, как угорь. Так ловко она вывела квартирмейстера из собственной спальни, так играючи обошла конвой, что, вне сомнений, она проделывала этот трюк не раз и не два.

Уж не любовников ли водила в тайне от грозного папашки?

Развить дальше интригуяще пикантную мысль Эстебану, однако, не дали. Высоко над головой аляпистый попугай внезапно разразился громкой бранью. Этот синий пижон с жёлтым, как спелый лимон, жабо гаркал голосисто с противным хриповатым карканьем.

– Ах ты ж петух ошипанный, – моряк поднял с земли камень и запустил с размаху в аляповатого певуна.

Промазал.

Пернатый модник расправил свои попугаячьи крылья, воинственно ими похлопал и гордо перепрыгнул на соседнюю ветку, выказав тем самым испанцу своё презрительное «фи».

Но, по крайней мере, заткнулся. Не стал испытывать силу и меткость чужеземного противника.

– Дуррррак, – кинул квартирмейстер попугаю вдогонку с тайной надеждой, что глупая птица срамное слово однажды повторит.

Впереди дорога петляла и моряк повернул налево к ремесленным кварталам. Дальнейший путь его пролегал вдоль широкой стены полуразрушенной древней пирамиды. Здесь такой же задиристый папоротник пробивался между камнями, а сочная трава властвовала над разбитыми ступенями. На одной из них толстая ленивая игуана вперилась в Эстебана острой мордой и глядела сурово, прищулив недобро свои жуткие глазища.

Странно, что всё это дикое буйство природы квартирмейстер углядел лишь на обратном пути.

Неподалёку от жилища целителя соседский слуга, тот самый точильщик кремния, дремал, привалившись к стене. На звук шагов резко встрепенулся, появление испанца тотчас заметил. И, разумеется, смекнул, что гость Ицамны уже отнюдь не овощ варёный.

Доложит, зараза, касику. Вот прямо сейчас и доложит.

И верно!

Едва Эстебан скрылся за полукруглым входом лекарской хибары, как молчаливый страж тут же резвой трусцой понёсся к поместью правителя.

Беги, беги, крыса портовая, отработай, наконец, свой хлеб.

За тонкой перегородкой, делившей спальные зоны, послышался мирный старческий храп – целитель, по счастью, ещё не проснулся.

Утомлённый ночной вылазкой испанец устало плюхнулся на циновку, заложил руки за голову и, разглядывая соломенную крышу домишки, вернулся к своим раздумьям.

Любопытная Ии-Чель пожелала услышать истории из древних хроник, захотела разобраться в событиях давно минувших. При этом слышать отказы русалочка, похоже, не привыкла.

Альтамирано беспокойно поёрзал на лежанке, нашёл более удобное положение и укрылся куском тонкого одеяла. Под собственные хаотичные мысли медленно погружался в сон.

А собственно, что писалось об этом Хуане Веласкесе, владельце складного ножа? Ни портретов его, ни особых упоминаний. Кажись, приходился родственником тогдашнему губернатору Кубы, водил дружбу с Кортесом, в дело завоевания свято верил и женился на индейской женищине, что после крещения стала зваться доньей Эльвирой. На этом, пожалуй, всё? Ах, да, находился в составе арьергарда в знаменитую Ночь Печали, когда Кортес и его войска были вынуждены спешно покинуть столицу ацтеков. Город конкистадоры покидали тайно под покровом ночи, старались сделать это быстро и тихо.

Быстро и тихо у них не вышло.

Индейцы атаковали в самых невыгодных условиях: в крошечной темноте под стеной дождя на узком участке дамбы через огромное солёное озеро Тескоко. Много народу тогда полегло. Кто утонул, кто был повержен вражеским оружием, а кое-кого схватили в плен и принесли в жертву своим кровавым богам.

И-да, незавидна судьба конкистадора, почившего в Ночь Печали. Да упокой сеньор Господь их души.

Как умер Хуан Веласкес де Леон и его супруга Эльвира в хронике не значилось. Зато много раз было упомянуто, как опрокинулись телеги с золотом, как затонули на дне озера все сокровища, отданные императором тогдашним, Монтесумой.

И как исчезло бесследно всё это богатство и не нашлось даже спустя две сотни лет.

Глава 10

– А, ну ка, человек, помоги мне, – жестом Ицамна подозвал квартирмейстера к себе, – Мои руки уже не так сильны, как прежде, да и глаза давно утратили зоркость.

Эстебан поднялся, вместе с лекарем послушно обошёл жилище, остановился перед примитивным каменным жерновом, когда услышал распоряжение:

– В этом мешке маисовые зёрна, – указал целитель на серое полотнище, – Запасов муки у нас с тобой осталось ещё на парочку тамале, а потом всё, – старик деловито пришёл кнулом языком, – Даже на противную, трижды разведённую водой алголе не хватит.

Моряк тут же устыдился. Целую неделю столовался у лекаря, но ни помощи, ни денег старику не предложил.

Хотя какие деньги, когда я беден, как церковная мышь? Всё честно награбленное осталось там... на поверхности.

– Садись, – указал Ицамна на коренастый пень, что служил у целителя табуретом, – Знаешь что это такое, двуногий? Это хитрая вещица, но дюже полезная. Два камня трутся друг об друга и растирают маисовые зёрна в муку. Смотри, сюда засыпаешь, – старик прихвати горсть и сыпанул в специальное отверстие, – А потом крутишь вот так, – дёрнул за рукоять и парный каменный круг пришёл в движение, – Силищи у тебя ого-го, справишься быстро. Получиться должно так же, как вот здесь, – Ицамна продемонстрировал глиняный горшок с остатками маисовой муки, – Всё понял, человек? Управишься?

Или старик издевался или держал Эстебана за дурака. Ну не уж то он в свои тридцать три года не додумается, как меж камнями растереть кукурузу?

Хотя вообще-то в делах кулинарных испанец не очень то преуспел. На корабле орудовал кок, а к его стряпне у матросов отношение простое: что приготовили, то и жри, не нравится – стряпай сам. Если «Санта Люсия» стояла в порту на приколе, испанец кормился в тавернах, а ежели на диком острове приходилось наладить такелаж, разводили на берегу костёр и кухарничали по очереди.

К еде Эстебан относился скорее как к досадной необходимости. В его представлении блюдо должно быть, прежде всего, съедобным, чтобы с голоду не помереть, и свежим по возможности, дабы не вызвать слабости желудка. Не будет никто по ту сторону океана любовно стряпать кальдосо да толочь гаспачо, как в детстве делала любящая абуэлиита.

Да упокой Господь её душу!

За непривычной работой у Эстебана заныли мышцы рук и спины. Сам пожилой целитель вернулся в дом и, судя по незнакомому говору, прямо сейчас принимал очередного посетителя.

К старику Ицамне время от времени жаловали пациенты. Чаще, с ремесленного квартала, иногда крестьяне и редко – вельможи, разодетые в цветастые плащи и перья. Лекарь принимал их в собственном доме за тонкой перегородкой. Бормотал что-то на родном языке, вонючими мазями мазал, хлопковым бинтом перевязывал, благовониями окуривал, иными словами – работал не покладая рук.

Платили ему кто чем. Бобами какао, маисом, рыбой, домашней птицей, шкурами животных, полезной в хозяйстве утварью и самое редкое – железом.

Железные монеты разного веса и размера, с чеканкой в виде профиля какой-то страшной морды работали в Кулуакане местной валютой. И хотя железо подвергалось коррозии и, в понимании Эстебана, платёжной единицей было крайне ненадёжной, для местных представляло наивысшую ценность. Большую, чем золото.

Гланчане не умели добывать железную руду. До сих пор не знали о её существовании.

Они научились ковать железо, полученное в ходе подводных разведок, но так и не поняли, не раскрыли природного секрета происхождения крепких металлов. Оттого только

богатый вельможа мог позволить себе железное оружие, бедняк вооружался копьём или дубинкой с лезвиями из острого, но хрупкого обсидиана.

Не отрываясь от работы, Эстебан сдул со лба прядь волос.

Не припоминаю, чтобы старик хоть раз самостоятельно крутил эти чёртовы жернова. Всё это время муку ему приносила соседка.

Тучная женщина, мать семерых сорванцов регулярно снабжала собственной стряпнёй престарелого Ицамну. Оно и понятно: её пацаньё – завсегдашние посетители лекарской хибары. То вывих получают, то колено разобьют, то тумачков надают друг дружке.

Дело житейское. Сам таким был.

– Я вижу, лечение тебе больше не требуется, человек, – внезапно лекарь возвратился в компании тощего лохматого юнца, одетого в тонкий хлопковый плащ и набедренную повязку, – Стало быть, нам пора прощаться.

– Прощаться?! – испанец напрягся.

– Сейчас, когда ты снова здоров, полон сил и над жизнью твоей не висит угроза, наш достопочтенный касик приглашает тебя в поместье своего подданного вельможи.

Раньше я был слаб и измучен, теперь, когда я пришёл в себя, меня разместят со всеми почестями... и положенной охраной. Что любопытно, возждь намерен выделить мне покои не в собственном поместье, а в жилище своего вассала.

Квартирмейстер поднялся. Руки, выпачканные в мучной пыли, небрежно вытер о штаны, смахнул со лба пот и потёр раскрасневшуюся шею.

Сегодняшний день выдался особенно жарким. Солнце палило нещадно, жалило, выжигало. Хотелось растечься от этой невыносимой влажности и лежать неподвижно где-нибудь в тени до самой прохлады ночи.

– Моё имя Аапо, – с сильным акцентом заговорил невысокий улыбчивый юноша, спутник Ицамны, – Велением чтимого правителя я стану служить тебе, Человеческий Господин. Позволь сопроводить тебя, наш уважаемый гость, в дом славного тональпокуи, хранителя писаний. Там отныне будет твой дом.

Уже в который раз к испанцу не обращались по имени. Даже не спрашивали, как его зовут. Всем вокруг было достаточно, что он, Эстебан, человек. Остальное значения не имело.

– Раз велено – веди, – ответил испанец почти безразлично, а после, не забыв об учтивой благодарности, с лёгкой грустью обратился к лекарю, – Спасибо, целитель Ицамна. За всё.

Глава 11

– Располагайся, Человек, – слуга отодвинул полог и пропустил Эстебана вперёд, в его новое жилище.

– Я буду жить здесь? – моряк недоверчиво осмотрел комнату, – В этой... пристройке?

Резиденция вельможи, которого Аапо назвал «хранителем писаний» размерами значительно уступала поместью правителя. Самого высокопоставленного тланчанина Эстебан так и не увидел – слуга проводил испанца к невысокому строению, что располагалось, на небольшом отдалении от хозяйского дома и имело собственный отдельный вход.

То была одноэтажная пристройка или маленький флигель, – именно так квартирмейстер охарактеризовал бы будущее место обитания. При невеликих размерах домишко обладал всеми положенными удобствами и был оснащён диковинными изобретениями, которых доселе испанец не видал.

– Наш тональпокуи посчитал, что здесь уважаемому Человеку будет удобнее, – как бы объяснил слуга такой странный выбор размещения.

И прощай избавитесь, ежели чего...

Единственное окно занавешивалось шторкой из тонких тростниковых прутьев, которую можно было поднять или опустить, свернув в рулон. За окном – горный пейзаж. Далёкие очертания снежных вершин.

Приятный вид, ничего не скажешь. Всяко лучше, чем у Ицамны глядеть на хмурного соседа.

В жилище находился низенький стол, приземистое сиденье с подушками, плетёный сундук, каменный очаг, куда в дни особо холодные и дождливые складывали поленья, ротанговое кресло и огромный топчан со множеством стёганных одеял.

Мягких. Куда более удобных, нежели промятый тюфяк в лекарской хижине.

Идеально выбеленные известью стены смотрелись пустовато. Так и подмывало водрузить над лежанкой распятие Христа или образ Девы Марии.

– Желает ли Человек отправиться в бани? – вопрошал Аапо, не стирая с лица учтивой улыбки.

А ты как думаешь, юнец? Портки мои с рубахой от соли и пота уже, поди, накрахмалились.

Слуга, однако, мысли Эстебана как будто прочитал и поспешил добавить:

– Я непременно приготовлю тебе баню, Человеческий Господин, но позволь прежде всяких дел показать тебе клозет, где ты можешь справить нужду.

Квартирмейстер так и крякнул. Не уж то он, по мнению этого Аапо, с ночным горшком не управится?!

Юноша поманил испанца вглубь дома, отодвинул шторку, разделявшую комнату с соседней каморкой, показал на полукруглую чашу из белого мрамора и объяснил:

– Это сосуд для справления нужды. Когда ты облегчишься в него, подкрути вон ту трубку, и струя воды смывает все через дырку в днище.

– И, куда вода всё это вынесет? – воскликнул ошеломлённый срамным русалочьем изобретением квартирмейстер, – В сад? Или... в пруд?

Эстебан припомнил, что видал по дороге к флигелю небольшой прудик. Маленькая купальня так и манила в прохладу своих вод, но теперь после собственного предположения моряк безглаголиво поморщился.

– Нет-нет, что ты! – хохотнул слуга, позабавившись наивностью чужеземного гостя, – Все испражнения вода уносит по специальной трубе прочь из дома в выгребную яму. Одна труба

служит для подвода воды в дом, другая – для смыва из поместья. Все дома в квартале вельмож так или иначе связаны системой подачи воды и канализацией.

Чудеса! Слыхал я о строительстве частных водопроводных сетей у англичан. Звучало, как выдумка. Жаль, не дошёл до Севиллы этот благостный прогресс.

– А вода, – указал квартирмейстер на кран, – Откуда она берётся?

– Её проводят из источника близ самого большого сенота Ах-Чаан, – Аапо аж раздулся от гордости, – Если тебя мучает жажда, Человек, то знай, эту воду можно пить без опаски. Здесь, – юноша указал на известняковый цилиндр посреди трубы, – Бытовой фильтр. Его крошечные известняковые поры довольно малы, чтобы пропускать воду, но достаточны для того, чтобы задерживать грязь, песок и мелкие камешки.

Эстебан аж присвистнул.

Эти тланчане не знают, откуда брать железо, но по части водной инженерии они явные мастера. И да, надо бы запомнить название сенота. Как он там говорил? Ах-Чаан.

– Я дам тебе время, Человеческий Господин, чтобы ты сделал все положенные тебе дела. И жду тебя во-о-он там, – слуга подошёл к окну и указал на низкое полукруглое строение, – У бани. Не беспокойся, сменные вещи и ткань, чтобы убрать с тела лишнюю влагу, тебе предоставят.

С этими словами учтивый юноша ещё раз вежливо улыбнулся, а затем, низко поклонившись, вышел.

Оставшись наедине с собой, квартирмейстер устало опустил на топчан и закрыл лицо ладонями.

В то, что он, Эстебан Альтамирано, оказался обласкан вдруг местным вождём и все удобства получал задарма, верилось слабо. С другой стороны, чем жалкий безоружный человечиска мог воспрепятствовать правителю и его вассалам? Хотели бы убить – убили, хотели бы пленить – пленили.

Хотели бы вернуть на поверхность – вернули.

Горькая мысль остро полоснула.

Квартирмейстер вспоминал записи юкатанского епископа Диего де Ланда, где тот подробно описывал туземный божественный пантеон и чудовищные ритуалы с человеческими жертвоприношениями.

Может для того меня лечат, кормят да в баньке парят? Чтобы чистого и красивого потом того... В подарок местным Богам?

Эта мысль показалась здоровой. Мучительной, но правдоподобной.

Это, что ж выходит, Ии-Чель слукавила? Сказала, мне не причинят вреда, а сама...

Эстебан досадливо мотнул головой.

Русалочка невольно внушала ему доверие. Он сам не понимал почему, но верил ей. Не походила она на коварную пособницу дьявола.

Это всё потому, что красивая! Да, да, увидел я красивую девку и поплыл, идиот. О русалках же какие байки ходят? Моряков очаровывают, корабли на острые рифы заманивают. С проста ли такие сказки? Вот я и повёлся. Сам за ней в море сиганул, а теперь тут. Не то пленник, не то жертва.

Квартирмейстер подошёл к окну, глянул на полукруглое глиняное сооружение, что служило у местных баней и, постучав ногтями по подоконнику, решил:

А знаете что, сеньоры-тланчане? Хрен я к вам чистеньким пойду. Хотите режьте, топите или вешайте, буду смердеть, как последний пропойка и пусть ваши Боги, или кто у вас там главный, мною подавятся.

Глава 12

– Ай-йа, я всё жду тебя, а ты, оказывается, здесь, Человеческий Господин! – всплеснул руками Аапо. – Неистовая жара Кулуакана сморила тебя, но пойдём со мной! Куда лучший отдых ты получишь, будучи в чистоте, да после славного ритуала парения.

Эстебан полулежал на топчане, подложив под голову стопку одеял. Руки он воинственно скрестил на груди и, прищурился, слугу милостиво выслушал. Совет, однако, нахально проигнорировал. Лишь, поёрзав, примостился ещё удобнее, всем своим видом демонстрируя нежелание куда-либо идти.

Бедолага Аапо так и вертелся угрём вокруг заупрямившегося гостя. Обходительно деликатничал. Почтительно лебезил и угодничал. Уговаривал, как дитя малое – всё без толку.

Испанец был твёрд и непоколебим. Нахохлился, как воробей, и фыркал из-под окладистых усов.

– Смилуйся, гордый Человек, – заволновался юноша, – скоро хранитель писаний, достопочтенный господин Чак, закончит свои дела и велит мне привести тебя. Он накажет бедного Аапо. Да-да! – для пушего убеждения парень активно закивал. – Узнает, что твой покорный слуга не исполнил своих обязанностей и велит Аапо наказать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.